

сывает царедворцев и наглости, какие они ему делали, отняв у него все имение, приобретенное им в королевствах Польском, Чешском, Венгерском и пр. Тимковский занимается новым переводом и толкованием песни Игоревой, и многое новое открыл; некоторые члены роются в патриаршей библиотеке, и все это по частной охоте, а не по отношению к Обществу. Общество в нашествие Наполеоново потеряло всю свою библиотеку и рукописи». Рукопись, которую митрополит Евгений называет в своем письме, представляла не Задонщину, тогда еще не известную, а «Сказание о Мамаевом побоище». Между тем уже это произведение убедило митрополита Евгения в том, что описание Куликовской битвы в нем расположено совершенно по Игоревой песне, которую «без сомнения» сочинитель «Сказания» «имел перед глазами». Между тем, как известно, «Сказание» довольно далеко от «Слова о полку Игореве», совпадая с ним лишь отчасти в своем плане и отдельных выражениях. Если бы митрополит Евгений имел перед собой Задонщину иерея Софония, он бы убедился, что Задонщина является связующим звеном между «Словом» и «Сказанием» и что именно в ней «многие слова, выражения и мысли взяты» из «Слова о полку Игореве». Но первую рукопись Задонщины приобрел на рынке и опубликовал Ундольский лишь в 1852 г., уже после смерти Евгения Болховитина.¹⁰⁹

Во всяком случае проф. Мазон и его последователи не имеют права ссылаться на митрополита Евгения: он вовсе не предполагал, что «Слово о полку Игореве» было написано в XVIII в.

¹⁰⁹ ВОИДР, кн. 14, 1852.